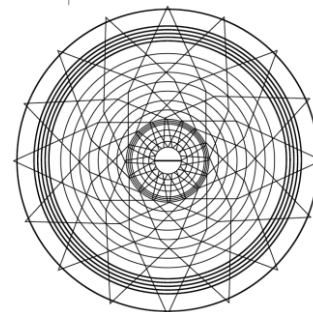

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

ЦЕННОСТНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СООБЩЕСТВ В ПОСТГЛОБАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Макаров Е. Б.

преподаватель Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта

(Калининград, Россия)

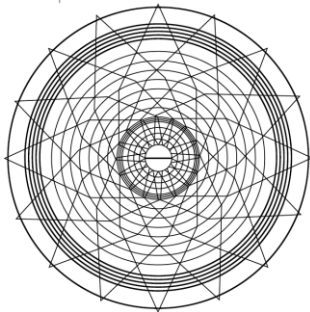
makarov33@mail.ru

Аннотация:

В данной работе описываются и сравниваются предпосылки к формированию постглобальных этических принципов при сохранении и интенсификации цифровой инфраструктуры на основе сетевого структурирования информационного и физического пространства. Проводится связь между разными типами сетей и возможными ценностными (этическими) моделями развития современных и будущих сообществ. Первая часть исследования посвящена уточнению понятий «пространство» и «сеть». С этой целью в первом случае мы обращаемся к социологии пространства, а во втором - к этимологии слова «сеть», а также теориям социального обмена, акторно-сетевой теории и теории сетевой коммуникации М. Кастельса. Далее мы проанализируем тенденции социального и сетевого структурирования на основе проведенного теоретического анализа. Консолидируем этот анализ в понятиях: этики информационной сетевой империи, выстраивающейся на основе тенденции доминирования информационно-коммуникативных сетей над пространством; и попытках переосмыслить эту тенденцию в направлении превалирования пространства над сетью в системообразующей инфраструктуре – этики пространственной связанности. Рассмотрим возможность соотнесения этики пространственных связей с нынешней ситуацией в сфере развития пространства РФ, указанных в «Стратегии 2025», и жилищного строительства. В конце обобщим, сделав заключение относительно пространственного, сетевого и этического соотношения.

Нам предстоит ответить на важный вопрос: каким мы хотим видеть современного человека — «приманкой в паучьей сети» или групповым субъектом, осваивающим жизненное пространство с развитыми индивидуальными чертами?

Ключевые слова: ценности, этика, власть, социальная связанность, социальные сети, информационно-коммуникативные сети, пространственное развитие

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

Введение

Несмотря на то, что тема «сетей» хорошо разобрана академическим сообществом, всё же стоит сделать некоторые уточнения в сравнении некоторых аспектов сетевой организации и прежде всего в том, что касается организации жизненного пространства человека «сетевого общества».

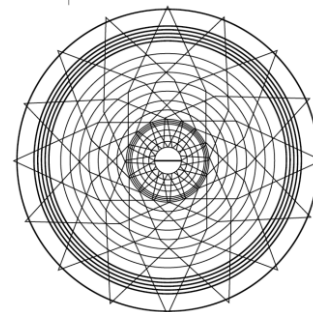
В трёхтомном труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» Ф. Бродель показывает (особенно в первом томе) быт и нравы европейской ойкумены, с вездливой дотошностью описывая «структуры повседневности» народов и населений тех эпох (Бродель, 2022). На фоне того, как повсеместно была обустроена жизнь простых людей и привилегированного класса, мы узнаём, как возникли западная материально-капиталистическая цивилизация, связанные с ней нормы, традиции, правила и западная ценностно-этическая система в целом. К сожалению, у нас нет возможности в подробностях описать нашу современную цивилизацию, но мы попытаемся ухватить те ценностные тенденции, что произрастают из сферы цифровой имплементации информационной инфраструктуры в физическое пространство постглобальных сообществ.

Методологически постановку исследовательского вопроса мы можем соотнести с выдвигаемыми Ч. Р. Миллсом предложениями по наблюдению за современными, то есть соответствующими историческому времени исследования, сообществами: перевести «смутную тревогу на язык повседневных забот», учитывая структурные проблемы и повседневные трудности. При этом, как пишет автор, исследование должно предложить «максимально простые и точные формулировки, касающиеся ценностей и угрожающих им опасностей» (Миллс, 2001, с. 153). Тогда под ценностями мы будем понимать те простые понятия, которые формируются, исходя из определённых этических норм, превалирующих в данном конкретном сообществе. А под этикой мы будем понимать соответствующие принципы жизнедеятельности, диктуемые той или иной формой организации пространства и взаимодействия между индивидами: «обязанности по отношению друг к другу, обществу, государству» (Розенталь & Юдин, 1955, с. 563). Определение этики из советской энциклопедии приведено намеренно, дабы показать вневременную характеристику нашей восточно-европейской цивилизации (России). Пусть советский строй разрушен, но в нём были правильные морально-нравственные ориентиры, и не стоит от них отказываться в пользу европейских или других «левых» ценностей, которые и ведут западноевропейскую цивилизацию в тупик.

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

Пространство

Социология пространства даёт нам ряд основных утверждений:

1. Пространство имеет значение: это сфера проявления социальных событий, возможных благодаря наличию этого пространства.
2. Страна, регион, город и человек (как тело) являются составляющими пространства.
3. Образы и метафоры имеют важное значение для социального пространства, например пространство сетей и потоков (Филиппов, 2008, с. 259).

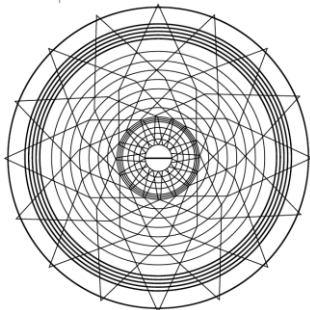
О том, что наш мир вновь становится «пространственным», говорят и другие авторы. Так, Д. Евстафьев и Л. Цыганова рассматривают этот феномен как место проявления и локализованных глобальных процессов, и исторических, традиционных, национально-религиозных особенностей конкретного пространства. Процесс деглобализации и разделения пространств и пространственности запущен, осуществляется переход к «анклавизации информационного поля» (Евстафьев и Цыганова, 2021).

О регионализации мира в прогнозе на будущее предупреждал ещё Джон Урри, назвав это «племенной сделкой». Он предупреждал и о резком падении уровня жизни, и о региональном милитаризме, и об изменениях форм мобильности (Урри, 2012, с. 496). В нашей научно-аналитической сфере регионализация приобретает разные названия, например, «валютные зоны» (Хазин, 2019), «макрорегионы»¹, «панрегионы»² или «глокализация» (вариант локализованного глобализма) (Евстафьев, 2021, сс. 79–90).

Поскольку нас интересует пространство не само по себе как топологический объект, а как сфера, где разворачиваются определённые ценностные и этические построения, для нас важно, как в этом пространстве (при наличии цифровой инфраструктуры) будут развиваться/стагнировать социальные связи и взаимодействия. Следовательно, мы должны рассмотреть преобладающие типы связанности: (а) непосредственное взаимодействие людей, контактирующих в «сфере социальных событий», и (б) коммуникацию акторов, объединённых каким-либо интересом. В первом случае социальная связанность (как предлагает Дмитрий Евстафьев, если перефразировать на микросоциальном уровне)

¹ Делягин, М. (2020). Мир разделённый. [izborsk-club.ru. https://izborsk-club.ru/19027](https://izborsk-club.ru/19027)

² Школьников, А. (2019). Очерк о геостратегии и панрегионах. <https://shkolnikov.info/articles/153-geopolitika/64822-ocherk-o-geostrategii-i-panregionakh>

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

«является продолжением связанности применительно к социальным институтам, интересам и моделям поведения...» (Евстафьев, 2021), а во втором носит символический характер и относится к интеракции людей, объектов, образов. В обыденном понимании это набор коммуникативных актов в информационной сфере. И в том, и в другом случае для связанности нам требуется система или, лучше, структура, объединяющая всех участников взаимодействия и коммуникации, которые разделены пространством и временем. И это сеть.

Что такое сеть?

Мы будем отталкиваться от самого принципа сетевой организации в его примордиальном смысле. Этимологический словарь дает нам такую подсказку: (а) приспособление, изделие из закреплённых на равных промежутках, перекрещивающихся нитей, верёвок, проволоки; (б) (перен.) о множестве переплетённых, скрещённых черт, линий; (в) система коммуникаций, расположенных на каком-либо пространстве. Производное от корня со значением «связывать» или «вязать» (Шапошников, 2019, с. 320).

То есть смысл сети — это то, что требуется для захвата (ловли) объекта или связывание единиц (элементов) пространства. Поскольку мы говорим о различных типах социального поведения, а в более общем контексте – ценностях или типах этики, то нам крайне важно, к какому из значений этих смыслов обращаться.

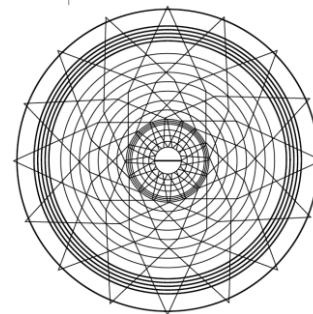
Любую структуру, в т. ч. социальную, можно представить в виде линейных взаимосвязей между субъектами – участниками этой структуры, т. е. в виде графа. Поскольку социальная или иная субъект-объектная система может содержать любое количество элементов и взаимосвязей³, линии-связи могут заполнять всё видимое пространство, создавая эффект сферической объемности с отсутствующей иерархией, что, конечно же, может создавать иллюзию равноправия всех участников подобных систем. Это используется в качестве основного доказательства преимущества сетевой организации сообщества перед классическими иерархиями. Однако, если взглянуть на любой визуализированный граф социальных сетей, мы видим очевидные различия между вершинами (или социальными субъектами): у кого-то множество связей, у кого-то 1–10, а есть и те, кто не имеет связей вовсе. Из этого следует очевидный факт: благодаря сетевому устройству социума, как пишет М. Джексон, «люди могут обрести вес в обществе, играя роль ключевых соединителей или координаторов» (Джексон, 2019). Для этого Джексон вводит понятие

³ В коллективе из тридцати человек гипотетически может возникнуть 2^{435} сетей (Джексон, 2019).

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

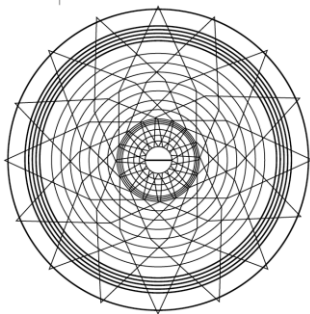
«центральности» как свойство субъектов сети присваивать себе бóльшую степень значимости благодаря прямым и косвенным связям с другими участниками сети. Это понятие, кодифицированное в виде формулы, гласит: «центральность каждого человека пропорциональна сумме центральностей его друзей». Затем следует более значимый вывод: «центральность порождает центральность» (Джексон, 2019), т. е. человек, обладающий большей центральностью, гораздо быстрее приобретает «друзей», чем люди, имеющие меньшую степень центральности. Соответственно, и «предпочтительное присоединение» (ещё один термин Джексона), к подобным узлам идет быстрее. Вместе с тем мы понимаем, что сети не однородны, в них идёт конкурентная борьба за внимание и победитель забирает пусть не совсем всё, но большую часть. Удел остальных — либо присоединиться к большинству, либо остаться в добровольной изоляции «неразвитых связей». Поэтому Джексон в начале книги указывает, что описание сети помогает описать и человеческое поведение (Там же).

Обратимся к тем типам связанности, что мы указали выше: пространство социальных событий и физических контактов и пространство символической, образной коммуникации. Также это сферы социального и символического обмена.

Сети социального обмена

Биологи считают, что биологическая трансформация от приматов к человеку началась тогда, когда возник обмен между особями (Савельев, 2020). При этом, например, некоторые взрослые особи, получившие травму и не имеющие возможности самостоятельно добывать пищу, стали получать ее от сородичей, чтобы выжить, и объединение в группы стало способствовать более успешному приспособлению к окружающим условиям и выживанию. Сегодня этот тип отношений включен в теорию социального обмена. Благодаря работе М. Мосса «Очерк о даре» (Мосс, 1996) мы можем сделать вывод, что о культурном контексте народа до его вступления в привычные рыночные отношения можно судить на основе обменных практик (ритуалов) внутри данного сообщества.

Западные теоретики социального обмена Дж. Хоманс, П. Блау, Р. Эмерсон представили социальные отношения в виде обмена ценностями (материальными, информационными, символическими). Теория обмена базируется на следующих принципах: (а) актер может моделироваться через мотивацию интересов или вознаграждений / наказаний, т. е. всё поведение может быть рассмотрено через его мотивацию; (б) большинство ситуаций обмена — это обмен ценностями (Градосельская, 2004).

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

Таким образом, западная социология описывает обменные отношения как взаимодействие эгоистичных индивидов с целью извлечения прибыли из своего социального окружения в виде материальных и символических ценностей – власти. Вообще тема рационального эгоизма довольно характерна для западной социологии, в том числе и при обменных отношениях, касающихся капиталистической стадии, поскольку суть обмена — занять более выгодное положение в социальной иерархии. Если из теории социального обмена выделить тезисы-цитаты, касающиеся властных отношений, то эту теорию можно охарактеризовать так: «стремление людей к получению наград и выгод и взаимному обмену ими» (Хоманс); «использование власти в обмен на социальное одобрение правомерно» (Блау); «имеющий ресурсы для удовлетворения потребностей других, может приобрести над ними власть» (Эмерсон) (Кузнецов, 2012).

Мы видим, что в таком типе отношений в сетевом эквиваленте также работает правило центральности. Субъекты-координаторы получают всю выгоду, а поскольку капитализм — «это движение вверх по иерархии обмена» (Бродель, 2022, с. 71) и «привилегия немногих, но не мыслима без участия большинства» (Там же, с. 83), то капитализм как высшая стадия обмена превратился в возможность паразитировать не на самом обмене, а на обменных отношениях в целом, т. е. на системе обмена как сети, структурирующей данный вид взаимодействия. З. Бауман писал: «Те, кто способен выбирать, ограничивают выбор тех, кто размещен на полюсе пассивности» (Бауман, 2021, с. 46). Так мы сталкиваемся с типичной протестантской этикой в веберовском понимании (Вебер, 1990), когда богоизбранность человека, или центральность, коррелирует с его деловой успешностью в сетях обмена. Сегодня потребительский капитализм с разросшейся маркетинговой, финансовой и цифровой инфраструктурой трансформировал сети обмена в сети обмана.

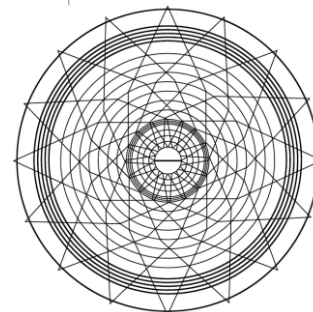
Акторно-сетевая теория (АСТ)

В акторно-сетевой теории представлен промежуточный или гибридный вариант сети обмена и информационно-коммуникативной сети, поскольку эта теория восходит к абстракциям, характерным для сетевой структуры в целом. В ней нет «социального» как такового, а есть различные типы ассоциаций между переносящими причину акторами: людьми, вещами, институтами и т. д. Суть их такова, что одни акторы включены в трансформацию значений и смыслов — это «посредники», а другие нет — это «проводники» (Латур, 2020). Очевидно, если рассматривать эту теорию с антропоцентричной точки зрения и исключить не-

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

людей, посредники играют ведущую роль, поскольку влияют на события и перераспределение ресурсов и информации в сети, а проводники – это обыватели, которые получают информацию в «упакованном» посредниками виде.

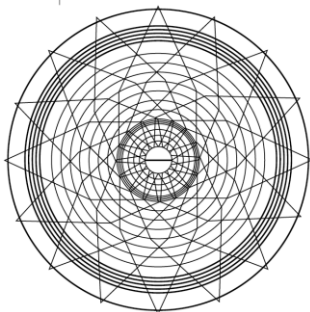
Сподвижник Латура по акторно-сетевой теории Джон Ло идет еще дальше в разрушении пространства, поскольку для него пространство — это пересечение возможного и невозможного между объектами, создающими связи и поддерживающими эти связи в состоянии потока. Таким образом, пространственность — это наличие трёх взаимосвязанных элементов: регионов, сетей и потоков. АСТ подразумевает размывание пространства по своей сути. Важность АСТ, как пишет В. Вахштайн, в переходе от «логики сети» к «логике потока», от неизменности к изменчивости (Вахштайн, 2005). «Потоковость» представляет собой возможность актора изменяться (передвигаться) в физическом пространстве и при этом оставаться неизменным в пространстве сетевом — это «неизменяемые мобильности» (Вахштайн, 2005). Только у сети, как мы указали выше, есть свои координаторы, в случае сетей обмена — весьма ощутимые и эгоистичные. Но и регионы представляют собой материальные топологические объекты, имеющие свои политико-экономические границы, а значит, власть, быт, нравы, ценности, традиции и т. д. Следовательно, наложение структур и связанных с ними этических норм и ценностей будет неизбежно вызывать конфликт, скрытый или явный⁴.

Главный прорыв, который делает АСТ, — это «уравнивание в правах» субъектного и объектного. Люди и не-люди имеют общие признаки социального в форме действия. Этика взаимоотношений объектов и субъектов может теперь рассматриваться на иных ценностных основаниях и выйти из сферы инструментального взаимодействия.

Информационно-коммуникативные сети (социальные информационные сети)

Д. Белл провозгласил появление новых осевых структур в эпоху постиндустриализма: во-первых, переход от эмпиризма к теории и кодификации знаний, во-вторых, переход от товаропроизводящего общества к информационному (Белл, 2004, с. 661). М. Кастельс, в свою очередь, предложил новую социальную структуру этого общества. Новое информационное общество — это «сетевое общество, потому что оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках,

⁴ Такого рода конфликт, например, имел место в политико-экономической сфере США, между ТНК (сеть) и национально-ориентированными элитами (регион), представителями которых в 2016 г. стал президент Д. Трамп. Не стоит забывать, что и контролеры информационно-коммуникативных потоков «Big Tech» тоже имели весомый голос не в пользу «региональщи́ков».

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

пересекающих время и пространство» (Кастельс, 2000, с. 505). Таким образом, можно сказать, что информационное общество осваивает не новое пространство, а новые структуры (сетевые) или, как говорит Б. Рассел, пространство событий, а не вещей (Рассел, 2019, с. 107).

По Кастельсу, сеть — это совокупность взаимосвязанных узлов, способных перестраиваться / удаляться. Их значение приобретает только в качестве компонентов сети и определяются программой. Именно программа имеет центральное значение, поскольку она задаёт цели и правила исполнения сети в соответствии с существующими интересами и ценностями (Кастельс, 2020, с. 65). Ценности и интересы — это уже аксиологический подход, территория этики и морали. В отличие от «веса», который Джексон ввел как понятие техническое (поскольку «вес» узла в информационной сети можно искусственно увеличить, «накрутив счётчик»), у Кастельса ценность — это то, что доминирует в данной момент в сети и задаётся (кодируется) иерархическими структурами, осуществляющими власть над сетью (Кастельс, 2020, сс. 74–75). Соответственно, именно те, кто создает и программирует сети, выделяя основные шаблоны поведения и внедряя сюжетные дискурсы, определяет цели и этические стандарты сети. Программисты и переключатели⁵, в эпистемологии Кастельса, обладают сетесозидающей властью — наивысшей формой власти в сетевом обществе, в силу их позиции в социальной структуре (Кастельс, 2020, с. 93). Подтверждение тому — слова главы Центра по изучению гражданских медиа Массачусетского технологического института Э. Цукермана о том, что возможность создавать новые, не имеющие аналогов типы связей — это новая сила (Цукерман, 2015, с. 275). Возникает резонный вопрос: какими средствами осуществляется власть в сети, где единственный доступный способ взаимодействия — это коммуникация? Главный отличительный фактор информационных сетей от остальных — это *наличие выраженного и неотчуждаемого поиска*. «А сможем ли мы что-то найти в сети без кураторов?» — задается вопросом Цукерман⁶. Хочется добавить при этом: а можем ли мы по поиску найти самих кураторов? Ведь, как тонко заметил М. Крозье, которого

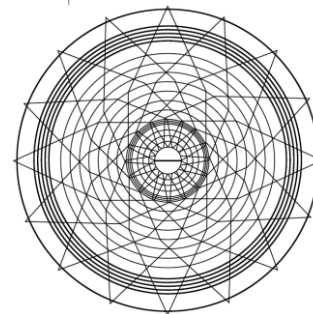
⁵ Переключатели — властные субъекты, контролирующие точки соединений между различными стратегическими сетями (Кастельс, 2020, с. 92). Т. е. это посредники всех мастей, имеющие возможность перераспределять ресурсы или, более абстрактно, настраивать те же веса сетей; например, лоббисты осуществляют связь между политиками, военными и торговцами. Для информационно-коммуникативных сетей посредники — это поисковые системы.

⁶ Существует и более категоричная парадигма на этот счёт. Не являются ли социальные медиа и поисковые системы новыми «богами», принимающими решения за людей, если учесть, что практически любое решение людьми принимается при посредничестве поисковых запросов сети Интернет (Макаров, 2020)?

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

цитирует З. Бауман, «властью в сети обладает тот, чьи действия ближе к источнику неопределённости», чьё поведение нерегламентировано, непредсказуемо (Бауман, 2021, с. 47). В этом и кроется опасность поисковой парадигмы, по мнению Цукермана: «...ведь вы ищете то, что хотите, упуская то, что вам нужно» (Цукерман, 2015, с. 123). Сетевой поиск как «вещь в себе»: мы обязаны его использовать, поскольку без него невозможно перемещение по сети, но мы не вправе его определять. Таким образом, можно сказать, что коннекторы отвечают за синтаксис и условия поиска, а программисты — за семантику информационной сети. Собственно, семантика информационной сети обеспечивает содержание желаемого, а синтаксис помогает его выделить (навязать⁷) и, следовательно, найти. По точному выражению Дж. Урри, таков «скрытый порядок вещей». Интернет, по его мнению, является аристократической сетью, где богатые — богатеют, бедные — беднеют (Урри, 2018, с. 109).

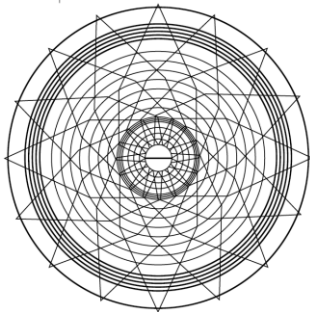
Информационно-коммуникативная сеть, как и любая другая, призвана скрывать свою иерархию, а благодаря свойствам молниеносной диффузии и вирулентности делает её идеальным орудием скрытого контроля и манипуляции, в том числе и в отношении реальных интересов координаторов сети, их идеологии и этики.

Сеть доминирует над деятельностью людей и вне сети (Кастельс, 2020, с. 71). Главная форма власти сети — это включение / исключение из сети (Кастельс, 2020, с. 97), как в архаических сообществах, где предельной формой наказания, помимо смерти, было изгнание. Если мы добавим к этому обращения к «цифровым богам» (программистам, планировщикам, коннекторам), а также возникновение «цифровой аристократии» (кураторов и координаторов, обладающих «центральностью»), то возникает чувство чудовищной социальной архаизации в эпоху империи цифровой культуры.

Признаки и последствия сетевой структуры современного «прошлого»

В предыдущем разделе мы начали с того, что разделили сеть по этимологическим признакам: сеть для захвата (ловли) объектов и для связывания элементов пространства. И вместе с тем мы определили, что современная конвенция развития сообществ предполагает конвергентную модель

⁷ Особенно в этом ключе в «Теории подталкивания» выделяется «архитекторы выбора» — люди, наделенные полномочиями влиять на поведение других с целью изменения их выбора. Как пишет автор, «другими словами, мы выступаем за деликатные попытки со стороны коммерческих организаций и правительства подталкивать людей к выбору, который улучшит их жизнь» (Талер и Санстейн, 2017).

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

физического и информационного пространства, как было показано в АСТ, но при этом следует различать в этих моделях доминирование сети над пространством и пространства над сетью. По этим признакам, а также по перечисленным выше типам социального взаимодействия (обмен, действие, коммуникация) мы будем выделять две модели организации социальных сообществ в пространстве: (1) «паучья сеть» — этика информационной сетевой империи (ЭИСИ); (2) комплекс социальной и объектной связанности — этика пространственной связанности (ЭПС).

«Паучья сеть» — этика информационной сетевой империи

В этой модели доминирования сети социальное пространство создается путем проекции информационно-коммуникативного действия на сферу социально-культурных отношений и регионов. По словам Кастельса, концепция сетевого общества относится к социальной структуре, а не к социальной организации (Castells, 2022). Отталкиваясь от яркой метафоры «паучья сеть» и переходя к более определенной эпистемологии (почему мы определили этот тип социальной структурной интеграции как детерминированный порядок, связанный с отсутствием выбора для социальных акторов), выделим ряд пунктов.

Во-первых, власть в сетевой империи имеет скрытую иерархическую структуру и осуществляется через контроль сетевых потоков и интеграционных узлов — хабов⁸, а сетесозидающая власть находится под контролем проектировщиков или «программистов-пауков».

Во-вторых, имеются всеохватывающая цифровая сетевая инфраструктура и мобильные устройства (коммуникаторы) для перманентного доступа в сеть⁹.

В-третьих, возникают новые факторы социальной стратификации на основе мобильности¹⁰. Роль координаторов потоков осуществляют «новые управленческие элиты» — космополиты, не привязанные к конкретному месту, но имеющие общие взгляды и стиль жизни (Кастельс, 2000). В противовес этому, иммобильность выступает как пространственная характеристика (невозможность

⁸ Например, Корпорация лондонского Сити, на долю которого в Европе приходится 85% активов под управлением хедж-фондов, более 70% внебиржевых торгуемых деривативов, 51% премий морского страхования, 75% клиринга производных финансовых инструментов, деноминированных в евро. В Лондоне сконцентрированы 90% европейских корпоративных и инвестиционных банков. Сити представляет собой монолитную финансовую экосистему (Пищик и др., 2019).

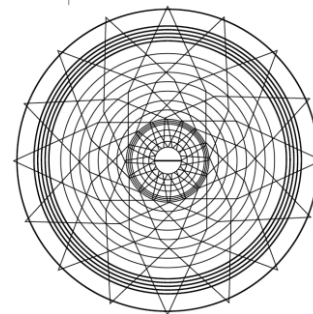
⁹ По данным Международного союза электросвязи (ITU), в 2022 году сеть Интернет использовали 66% населения планеты; охват населения Европы достигал 89%. При этом 73% населения в возрасте 10 лет и старше имеют мобильный телефон с доступом в сеть. Покрытие мобильного интернета стандарта 4G в мире составляет 88%. https://www.itu.int/hub/publication/d-ind-ict_mdd-2022/

¹⁰ По Дж. Урри, мобильность — это всевозможное движение людей, вещей и образов (Урри, 2012, с. 16).

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

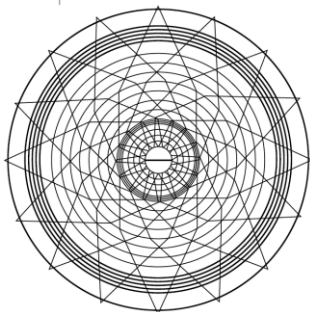
покинуть регион) и как социально-экономическая (соотношение между статусом родителей и детей: чем выше статус у родителей, тем выше шансы у их детей добиться высокого положения и финансового обеспечения, и наоборот). Наибольший разрыв по шкале социальной имобильности на сегодняшний день занимают США и Британия (Джексон, 2019).

В-четвертых, пространство мегаполисов. Глобализация и избирательное территориальное сетевое взаимодействие в настоящее время завершили обозначенное давным-давно движение в сторону мегаполисов как преобладающей пространственной формы сетевого общества (Castells, 2022). Европейская (западная) культура невозможна без сохранения привычной структуры концентрации населения — городов¹¹. Шумеро-аккадская, эллинская цивилизации, по сути, являли пример сетевой структуры городов-полисов. После падения римской мир-системы европейское пространство было триангулировано за счёт дифференциации ветвей или сетей власти: *Аббатство* (духовная власть) — *Город* (экономическая власть, т. е. власть над обменом) — *Замок* (политическая и военная власть). Пересечение этих типов власти создавало сеть, которая в итоге сконцентрировалась в городах. Средние века и феодальный период закончились, когда победили города. Сегодня импликация цифровой инфраструктуры в «ткани» города позволяет сохранять города в качестве базовой социетальной платформы с успешной реализацией систем цифрового управления и контроля.

В-пятых, усовершенствование систем контроля и надзора. Ю. Хабермас ссылается на книгу Канна 1967 г., где говорится, что в ближайшие 33 года появятся новые техники управления и контроля за личностью, в т. ч. всеобъемлющий надзор за индивидом (Хабермас, 2007, с. 107–108). Сеть, тем более информационная, является идеальным паноптикумом, с точки зрения З. Баумана (Бауман, 2021, с. 41). Все наблюдают за всеми, а в непроницаемой башне сидят (на самом деле находятся в состоянии «мобильности») координаторы-переключатели, чье направление в сети задают программисты-пауки.

Также давно не тайна, что наложение информационного профиля перемещений субъекта благодаря ношению коммуникатора или другой техники относительно топологического пространства даёт детальное понимание физического перемещения, распорядка дня, привычек, увлечений и других аспектов частной жизни человека. Такое положение вещей Дж. Урри назвал

¹¹ Этому есть статистическое обоснование. Джексон (2019) пишет: «Корреляция между производительностью страны и уровнем ее урбанизации составляет 72%». Доля городского населения по континентам, по данным Statista: Северная Америка — 83%, Европа — 75% (<https://www.statista.com/statistics/270860/urbanization-by-continent/>).

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

«оруэллизацией» личности и общества (Урри, 2012, с. 500). Такой же надзор, даже более тщательный, наблюдается в информационно-коммуникативных сетях, где отслеживаются политические, экономические, культурные и иные предпочтения, а также желания и эмоции. Этот вид контроля классифицируется как «надзорный капитализм» (Surveillance capitalism) (Zuboff, 2019, pp. 10–29).

И последнее: «коммуникационный эскапизм стал самой политически безопасной протоидеологией» (Евстафьев и Цыганова, 2021), а в психологическом контексте выражается в непреодолимом желании эзотерического «эффекта» – «тотальном желании другого мира» (Розин, 2001, с. 237). С точки зрения информационного общества, это означает добровольный отказ от повседневности в пользу различных форм виртуальной реальности в предельной форме, отказ от телесности и «опоры на внешний чувственный материал» (Розин, 2001, с. 237). Сегодня это ярко выраженная и массовая тенденция к созданию закрытых коммерческих «метавселенных» в связи с развитием сетей Web 3.0 и к постепенному переносу социально-экономической и развлекательной деятельности в эти пространства¹². Решительным ускорением данного процесса послужил массовый переход на удаленную работу и учебу вследствие эпидемии SARS-Cov-2 (Covid-19). По данным сервиса Statista, 51% респондентов поколения Z, 48% «миллениалов» и 37% представителей поколения X уже сейчас готовы частично работать в метавселенных¹³. Есть ряд технических необходимых условий¹⁴, чтобы трансформировать социальный быт индивида в форму непрерывной символической интеракции в пространстве виртуально реальности (ВР), но главный из них – это необратимость: попав в метавселенную, индивид должен навсегда терять возможность (желание) покинуть этот мир добровольно.

Таким образом, инвестирование в мегаполисы и ВР служит надежной платформой для латентного перехода в метавселенных, поскольку уже сейчас спальный район любого города¹⁵ — это готовая физическая инфраструктура,

¹² Например, Metaverse Seoul – это копия столицы Ю. Кореи в ВР, где пользователь может взаимодействовать с объектами и государственными институтами – налоговой службой, визовым центром и др. Также в ВР появилось представительство Интерпола. Более подробно о Метавселенной как переходной стадии к «полному погружению» см: <https://habr.com/ru/articles/770526/>.

¹³ Will the Metaverse Lead to Metawork? <https://www.statista.com/chart/27103/share-of-respondents-envisioning-partly-working-in-the-metaverse-in-the-near-future-by-generation/>

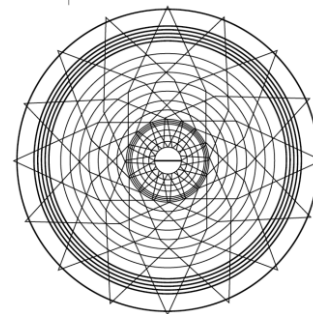
¹⁴ Метавселенная: условия, варианты и концепции. <https://habr.com/ru/post/599287/>

¹⁵ По данным РБК, средняя этажность новостроек в СПб и Москве – 27 этажей (см. <https://realty.rbc.ru/news/635294ab9a7947eb583ed2f4>), а средняя квадратура по РФ – менее 50 кв. м. (см. <https://realty.rbc.ru/news/63715dd69a7947316aebc480>).

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

способствующая социальной и физической иммобильности¹⁶. В этом цифровом паноптикуме социальные законодатели – манипуляторы символами и эксперты-проектировщики (Бауман, 2021, сс. 54–55) — объединились и предлагают безопасное и комфортное существование и усовершенствованный этический стандарт.

Всё это подводит нас к мысли, что вся информационно-сетевая структура – это, по сути, попытка переплавки амбиций тотальных сообществ в создание эквивалента власти вне социального контекста над отдельным индивидом через управление идентичностями. Фактически происходит распад моноэтической и культурной идентичности на смежные сектора, где эксплуатируются те или иные ценности, а с помощью ценностей, как мы отмечали выше, выполняется программирование сетей.

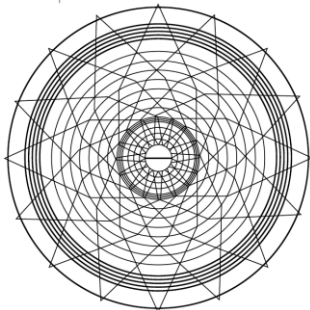
Комплекс социальной связанности – Этика пространственной связанности

Этот раздел хочется начать практически с того, чем закончен предыдущий: современные города-мегаполисы – это готовая инфраструктура для будущей трансформации социального взаимодействия в коммуникативное в информационных сетях («¹⁷метавселенных»). Такое положение вещей отнюдь не приговор. Как указывает Д. Евстафьев, одна из проблем глокализации – это конкуренция сетевых и иерархических структур, в том числе и в различии моделей отношения к пространству (Евстафьев, 2021). Ранее мы упоминали, что пространство вновь обретает значение. Вместе с тем Кастельс отмечает тенденции, связанные с разрушительной ролью социальных сетей и возросшей роль государства в сетевом обществе (Castells, 2022). По Платону, «имея нужду во многом, мы располагаем к сожитию многих общников и помощников», что порождает города-государства и способствует разделению труда. В современном городе почти ничего не производится, кроме мелкой номенклатуры товаров или услуг¹⁸. Из этого следует, что такой город нужен только административным чиновникам, коммерсантам-торговцам и их коллегам по обслуживанию, поскольку всё необходимое доставляется извне. По сути, центральное досуговое пространство мегаполисов, торговый центр – это склад разнообразных товаров с приятным оформлением, общепитом и кинотеатром. С развитием дистанционной (электронной) торговли необходимость в местных торговцах отпадает. При этом

¹⁶ Реакция Европы, США, Китая и других стран в ответ на распространение эпидемии SARS-Cov-2, заключающаяся в полной изоляции людей в своих квартирах, хорошо показала возможный инструментарий снижения массовой физической активности и социального взаимодействия.

¹⁷ Антология мировой философии. В 4 тт. Т. 1. Ч. 1, с. 369.

¹⁸ Градообразующие предприятия – это иной вид социальной связанности.

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

мы живем «скученно» в городах, потому что считается, что чем выше урбанизация, тем выше ВВП¹⁹ (как и производительность, о чем написано выше), конечно, если в вашей экономике превалирует сфера услуг. Также есть существенное различие между устройством городской и сельской сети населения: вне города люди живут сплоченными общинами и полагаются на самих себя. Следовательно, имея преимущество сплоченности общины, но без существенной потери в качестве доступа к городским возможностям (образование, услуги, трудоустройство и т. д.), благодаря развитию пространственных связей можно будет добиться нового этапа в развитии социальных сообществ, реализованных по принципу сетевых структур, но так, что сеть не подменяет пространство, как в случае с информационно-сетевым сообществом, а наполняет возможностями, прежде всего социального взаимодействия и развития. Такую концепцию мы вкладываем в этику пространственных связей как возможность удержать социальную значимость историко-культурного и пространственного союза, т. е. как пространства идентичности.

Этика пространственной связанности применительно к РФ

На данный момент на официальном уровне сохраняется тенденция к усилению роли крупных и крупнейших городских агломераций (в России их 40 — это более 73 млн чел.) и районов с экономической специализацией²⁰. При этом для развития городских агломераций требуется особое согласование²¹. Россия — высокоурбанизированная страна: почти четверть россиян проживают в городах, из них 64% — в многоквартирных, а 28% — в индивидуальных домах²² (вспомним также, что средний метраж квартир — менее 50 кв. м). Эксперты архитектурно-строительной сферы утверждают, что развитие агломераций — «это губительная и тупиковая ветвь социально-экономического и демографического развития; использование малоэтажного строительства может послужить инструментом

¹⁹ Urban population vs. GDP per capita, 2016: <https://ourworldindata.org/grapher/urbanization-vs-gdp>.

²⁰ См. Приложение №1 (Перечень перспективных экономических специализаций субъектов РФ) к Распоряжению Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. («Стратегия 2025»): <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>.

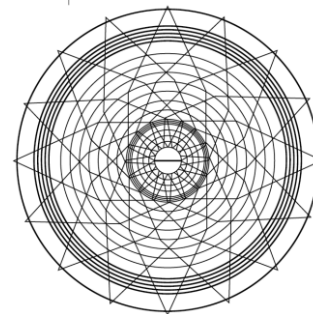
²¹ Постановление Правительства РФ от 31 мая 2022 г. № 996 «Об утверждении Правил согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций»: https://www.economy.gov.ru/material/file/4db3e4cee2996b6fd7a8ba624c377de4/996_31052022.pdf.

²² По данным ВЦИОМ: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnoe-zhile-glazami-rossijan>.

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

преодоления этого тупика»²³. В 2021 году доля ИЖС в общем объеме жилищного строительства составляла 53%²⁴, а желающих иметь собственный дом – 68%²⁵. В ответ на это в 2021 году по поручительству президента РФ в нацпроект «Жилье и городская среда» была внесена инициатива «Мой частный дом», предполагающая увеличить долю ИЖС на уровне 50 млн кв. м к 2030 г²⁶. Наиболее актуальные проблемы при реализации проекта ИЖС для населения — это финансы, социальная и транспортная инфраструктура²⁷. Мы вновь возвращаемся в начало – к отсутствию социальной связанности в сочетании с желанием разорвать путы урбанистической зависимости почти у 70% россиян. Если преодолеть эти две крайности, заставив пространство работать на себя, то есть обеспечить возможность создания связанных локальных сообществ комфортного проживания с доступом к большинству социально-экономических, культурных объектов и институтов, воспроизводя при этом особый дух русской общинности, традиционного оседлого холизма (Макаров, 2022), то получится изменить и парадигму нашего отношения к себе и миру. Евстафьев (2021) также определяет социальную связность как «инструмент долгосрочного управления развитием, нацеленный на максимальное обеспечение социально-политической целостности страны / региона».

Заключение

Обратимся ещё раз к понятию этики как категории человеческого поведения, обусловленного наличием свободы выбора (Кузнецов, 2005, с. 708). Как мы убедились, этика сетевых информационных сообществ не предполагает свободы выбора, только если это не свобода потребительского выбора, как говорил Бауман (Бауман, 2021, с.110), противопоставляя ее социальной неэффективности или бедности. Помимо прочего, этика – это нравственный образ социального сообщества. Надо признать, что сетевая информационная структура как образно-символическая копия материального мира, но без опоры на пространственные

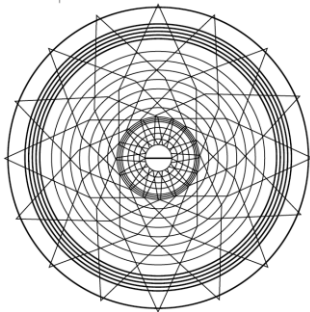
²³ V Международный форум «Малоэтажная Россия-2022: <http://archvestnik.ru/2022/12/27/v-tsentre-vnimanija-finansy-i-tekhnologii-po-itogam-foruma-maloetazhnaya-rossiya-2022/>.

²⁴ По данным Росстата: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Analit_zap_Jil-ctroit_RF_2021.pdf.

²⁵ По данным ВЦИОМ: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnoe-zhile-glazami-rossijan>.

²⁶ Моя крепость: как инициатива «Мой частный дом» изменит рынок жилья: <https://национальныепроекты.рф/news/moya-krepost-kak-initsiativa-moy-chastnyy-dom-izmenit-rynok-zhilya>.

²⁷ В Стратегии 2025 отмечается «несоответствие уровня развития транспортной инфраструктуры потребностям экономики и населения субъектов РФ и страны в целом». Поэтому одно из основных направлений Стратегии 2025 – ликвидация инфраструктурных ограничений федерального значения и повышение доступности и качества магистральной транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры.

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

связи или как форма инвазивной информационно-коммуникативной социальности вытесняет мир духовно-нравственного сознания в виде его конверсии в формы эзотерического (магического) мышления, основанного на цифровых технологиях. И эта новая, образная материальность существенно ограничивает восприятие как физических, пространственно-временных, так и морально-этических аспектов бытия и формирует определенные нравственные ценности, оторванные от нашего антропокультурного прошлого.

В противоположность этому (что уже само по себе очень ценно), этика пространственной связанности предполагает вовлеченное участие и волю на всех социальных уровнях в построении социально-культурного и экономико-политического пространства с опорой на возможности сетевой, в том числе и информационной, инфраструктуры. Как отмечает Евстафьев (2021), пространственное развитие без укрепления социальной связанности и формирования новых узлов является бюрократическим процессом, не ведущим к укреплению страны. Хочется повторить, что этика пространственных связей – это жизнь в огромном мире, организованном на совесть (Макаров, 2022).

Таким образом, мы выделили тенденции постглобальной организации сообществ: с доминированием сети над пространством, подчиненные принципам освоения новых структур и необратимости, и пространства над сетью, подчиненные принципам социальной связанности. Поскольку «одни люди создают тот вид общества, в котором должны жить и действовать другие» (Бауман, 2021, с. 47), от того, что они выберут — сытый сетевой паноптикум или трудности освоения пространства свободы, зависят этические и ценностные императивы будущего человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

Байзакова, Л. (2021). Специфика публикаций в блоге о русском языке. Русский язык в XXI веке: исследования молодых. Материалы VIII международной студенческой конференции, (с. 45–52). Сургутский государственный педагогический университет.

Бауман, З. (2021). Свобода. Новое издательство.

Белл, Д. (2004). Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. Academia.

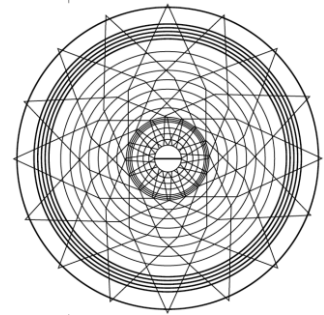
Бродель, Ф. (2022). Динамика Капитализма. Альма Матер.

Бродель, Ф. (2022). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 тт. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Альма Матер.

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

Вахштайн, В. (2005). Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории. Социологическое обозрение, 4(1), 94–115.

Вебер, М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма. В М. Вебер, Избранные произведения. Прогресс.

Градосельская, Г. В. (2004). Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие. Новый учебник.

Делягин, М. (2020). Мир разделённый. izborsk-club.ru. <https://izborsk-club.ru/19027>.

Джексон, М. О. (2019). Человеческие сети. Как социальное положение влияет на наши возможности, взгляды и поведение. Corpus. iBooks.

Евстафьев, Д. (2021). Социальная связность как императив развития России в постглобальном мире. Вестник Российской нации, 79(3), 79–90.

Евстафьев, Д., Цыганова, Л. (2021). Разрыв времени, реванш пространства. Глобальные последствия социокультурного перехода. Россия в глобальной политике, 19 (5), 138–153. <https://10.31278/1810-6439-2021-19-5-138-153>.

Кастельс, М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Издательский дом ГУ-ВШЭ.

Кастельс, М. (2020). Власть коммуникации: учебное пособие. Издательский дом ВШЭ.

Кузнецов, А. Г. (2012). Социологические интерпретации власти в теории социального обмена. Власть, (7), 102–105.

Кузнецов, В. Г. (2005). Словарь философских терминов. Инфра-М.

Латур, Б. (2020). Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. Издательский дом ВШЭ.

Макаров, Е. Б. (2020). Реальность мифов в информационную эпоху. Семиотическая схема мифологизированного мышления на основе концепции означающего Р. Барта. Человек. Культура. Образование, 3(37), 8–23. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2020-3-8>

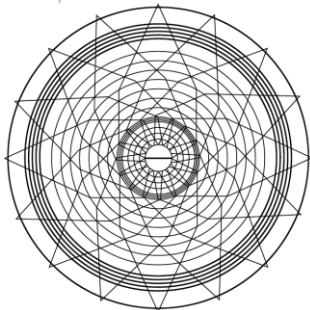
Макаров, Е. Б. (2022). Актуализация категорий эйдос и этос в этнокультурном и психоисторическом анализе. Информационные войны, 3(63), 98–107.

Миллс, Ч. Р. (2001). Социологическое воображение. NotaBene.

Мосс, М. (1996). Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах.

В М. Мосс, Общества. Обмен. Личность. «Восточная литература» РАН.

Пищик, В., Кузнецов, А. и Алексеев, П. (2019). Европейский экономический и валютный союз: 20 лет спустя. Мировая экономика и международные отношения, 63(9), 76–85. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-76-85>

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

Рассел, Б. (2019). История западной философии. АСТ.

Розенталь, П., Юдин, П. (1955). Краткий философский словарь. Государственное издательство политической литературы.

Розин, В. (2001). Семиотические исследования. Пер Сэ: Университетская книга.

Савельев, С. В. (2020). Церебральный сортинг. Веди.

Талер, Р. и Санстейн, К. (2017). Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. Манн, Иванов и Фербер.

Урри, Дж. (2012). Мобильности. Праксис.

Урри, Дж. (2018). Как выглядит будущее? Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Филиппов, А. Ф. (2008). Социология пространства. «Владимир Даль».

Хабермас, Ю. (2007). Техника и наука как «идеология» (М. Хорьков, пер. с нем.). Праксис.

Хазин, М. (2019). Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. РИПОЛ классик: Сфера.

Цукерман, Э. (2015). Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. Ад Маргинем Пресс.

Шапошников, А. К. (2019). Этимологический словарь современного русского языка. В 2 тт. Т. 2. Флинта.

Школьников, А. (2019). Очерк о геостратегии и панрегионах.
<https://shkolnikov.info/articles/153-geopolitika/64822-ocherk-o-geostrategii-i-panregionakh>.

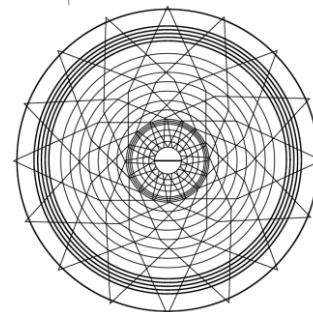
Castells, M (2022). The Network Society Revisited.
<https://10.1177/00027642221092803>

Zuboff, S. (2019). Surveillance Capitalism and the Challenge of Collective Action. New Labor Forum, 28(1), 10–29.

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

VALUE ASPECTS OF THE COMMUNITIES SPATIAL ORGANIZATION IN THE POST GLOBAL AGE

Makarov E. B.

Lecturer at Baltic Federal University

(Kaliningrad, Russia)

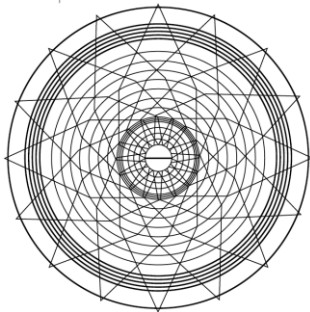
makarov33@mail.ru

Abstract:

This paper describes and compares the prerequisites for the formation of post-global ethical principles while preserving and intensifying digital infrastructure based on the network structuring of information and physical space. A connection is made between different types of networks and possible ethical models for the development of modern and future communities. At first, we turn to the sociology of space, and in the second - to the etymology of the word "network", as well as the theories of social exchange, actor-network theory, and the theory of network communication by Castells. We will analyse the trends of social and network structuring based on the theoretical analysis. We consolidate this analysis in terms of ethics of the information network empire, which is built based on the tendency of dominance of information and communication networks over space; and attempts to rethink this trend towards the predominance of space over the network in the backbone infrastructure - the ethics of spatial connectivity. Let's consider the possibility of correlating the ethics of spatial relations with the current situation in the sphere of the development of the space of Russia, specified in the "Strategy 2025" and housing construction. At the end, we will make a conclusion about the space, network, and ethical relationship.

An important question that we must answer is how we want to see a modern person — a "bait in a spider's web" or a group subject mastering a living space with developed individual traits.

Keywords: ethics, power, social cohesion, social networks, information and communication networks, spatial development

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

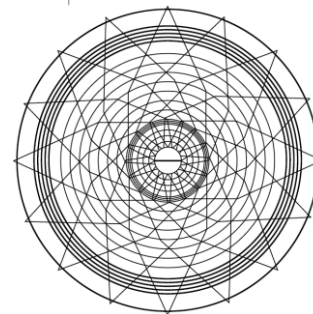
REFERENCES

- Baumann Z. (2021). Svoboda [Freedom]. Moscow: Novoe Izdanie.
- Bell D. (2004). Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo [The Coming Post-Industrial Society]. Moscow: Academia.
- Brodel' F. (2022). Dinamika Kapitalizma [The Dynamics of Capitalism]. Moscow: Al'ma Mater.
- Brodel' F. (2022). Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv.: V 3 t. T. I: Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe [Material Civilization, Economy and Capitalism XV-XVIII. Vol I. Structures of everyday life: possible and impossible]. Al'ma Mater.
- Castells M (2022) The Network Society Revisited. <https://10.1177/00027642221092803>
- Castells M. (2000). Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. HSE.
- Castells M. (2020). Vlast' kommunikacii: ucheb. posobie [Communication Power: Textbook]. HSE.
- Deljagin M. (2020). Mir razdeljonnyj [The World is Divided]. <https://izborsk-club.ru/19027>
- Dzhekson O. M. (2019). Chelovecheskie seti. Kak social'noe polozhenie vlijaet na nashi vozmozhnosti, vzgljady i povedenie [Human Networks. How does social status affect our capabilities, attitudes and behavior]. Moscow: Corpus. iBooks.
- Evsta'ev D. (2021). Social'naja svjaznost' kak imperativ razvitija Rossii v postglobal'nom mire [Social connectivity as a vital factor of development of Russia in the post-global world]. Bulletin of Russian nation. (3). 79-90.
- Evsta'ev D., Cyganova L. (2021). Razryv vremeni, revansh prostranstva. Global'nye posledstvija sociokul'turnogo perehoda [The gap of time, the revenge of space]. <https://10.31278/1810-6439-2021-19-5-138-153>
- Filippov A.F. (2008). Sociologija prostranstva [Sociology of Space]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Gradosel'skaja G.V. (2004). Setevye izmerenija v sociologii: Uchebnoe posobie [Network Measurements in Sociology: A Textbook]. Moscow: Novyj uchebnik.
- Habermas J. (2007). Tehnika i nauka kak «ideologija» [Technology and Science as «Ideology»] / Per. s nem. Hor'kova M.L., Moscow: Praxis.
- Hazin M. (2019). Vospominanija o budushhem. Idei sovremennoj jekonomiki [Memories of the Future. Ideas of the Modern Economy]. Moscow: Ripol klassik, Sfera.
- Kuznecov A.G. (2012). Sociologicheskie interpretacii vlasti v teorii social'nogo obmena [Sociological interpretations of power in the theory of social exchange]. Power. 7.

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

Kuznecov V.G. (2005). Slovar' filosofskih terminov [Dictionary of Philosophical Terms]. Moscow: Infra-M.

Latour B. (2020). Peresborka social'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuju teoriju [Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow: HSE.

Makarov E.B. (2020). Real'nost' mifov v informacionnuju jepohu. Semioticheskaja shema mifologizirovannogo myshlenija na osnove koncepcii oznachajushhego R. Barta [The Reality of Myths in the information age. Semiotic scheme of mythologized thinking based on the concept of the signifier by R. Barth]. <https://10.34130/2233-1277-2020-3-8>

Makarov E.B. (2022). Aktualizacija kategorij jejdos i jetos v jetnokul'turnom i psihoistoricheskom analize. Informacionnye vojny [Actualization of the categories of eidos and ethos in ethnocultural and psychohistorical analysis]. 3(63).

Mills Ch.W.(2001). Sociologicheskoe voobrazhenie [The sociological imagination]. Moscow: NotaBene.

Moss M. (1996). Oчерк о dare. Forma i osnovanie obmena v arhaicheskikh obshhestvah. Obshhestva. Obmen. Lichnost' [An essay about the gift. The form and basis of exchange in archaic societies. Societies. Exchange. Personality]. Moscow: «Vostochnaja literatura» RAN.

Pishhik V., Kuznecov A., Alekseev P. (2019). Evropejskij jekonomicheskij i valjutnyj sojuz: 20 let spustja. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [The European Economic and Monetary Union: 20 years later. World economy and international relations]. <https://10.20542/0131-2227-2019-63-9-76-85>

Rozental' P., Judin P. (1955). Kratkij filosofskij slovar' [A Short Philosophical Dictionary]. Moscow: State Publishing House of Political Literature.

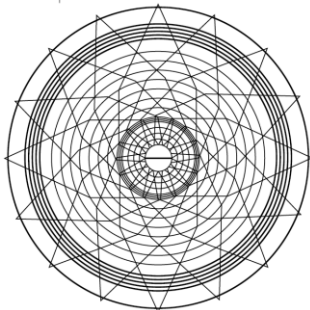
Rozin V. (2001). Semioticheskie issledovanija [Semiotic research]. Moscow: Per Se; Saint Petersburg: Universitetskaja Kniga.

Russel B. (2019). Istorija zapadnoj filosofii [History of Western Philosophy]. Moscow: AST.

Savel'ev S.V. (2020). Cerebral'nyj sorting [Cerebral Sorting]. Ed 3. Moscow: Vedi.

Shaposhnikov A.K. (2019). Jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Vol.2, Ed. 3. Flinta.

Shkol'nikov A. (2019). Oчерк о geostrategii i panregionah [Essay on Geostrategy and Pan-regions]. <https://shkolnikov.info/articles/153-geopolitika/64822-ocherk-o-geostrategii-i-panregionakh>

[Научные статьи]

Макаров Е. Б.

*Ценностно-этические аспекты
пространственной организации сообществ
в постглобальную эпоху*

Thaler R., Sunstein C. (2017). Nudge. Arhitektura vybora. Kak uluchshit' nashi reshenija o zdorov'e, blagosostojanii i schast'e [Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.

Urry J. (2012). Mobil'nosti [Mobilities]. Moscow: Praxis.

Urry J. (2018). Kak vygljadit budushhee? [What is Future]. Moscow: Delo, RANEPА.

Vahshtajn V. (2005). Vozvrashhenie material'nogo. «Prostranstva», «seti», «potoki» v aktorno-setevoj teorii [The Return of Material: «Spaces», «Networks», «Flows» in Actor-Network Theory]. The Sociological Review. 4(1).

Veber M. (1990). Izbrannye proizvedenija. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow: Progress.

Zuboff S. (2019). Surveillance Capitalism and the Challenge of Collective Action. New Labor Forum. 28(1), 10–29.

Zukerman E. (2015). Novye soedinenija. Cifrovyje kosmopolity v kommunikativnuju jepohu [Rewire: Digital Cosmopolitans in the Age of Connection]. Moscow: Ad Marginem Press.